

Глава IV

ТЕОРИЯ ДИАСПОРЫ

Слабости традиционного подхода

Уже после написания данной статьи вышел в свет первый номер нового отечественного журнала «Диаспора» со статьей Александра Милитарева, посвященной термину «диаспора». Отправной тезис указанного автора: «термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является»¹, нами полностью разделяется. Однако все-таки о чем идет речь, если пойти дальше историко-лингвистического экскурса?

Наиболее употребляемое современное понятие диаспоры — обозначение совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения². Однако это хрестоматийное понимание, как и более сложные дефиниции, встречающиеся в отечественных текстах³, малоудовлетворительно, ибо имеет ряд серьезных недостатков. Первое — это слишком расширенное понимание категории *диаспора*, включающее все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже на внутригосударственном уровнях в исторически обозримой перспективе. Другими словами, кавказские адыги, румынские липоване и русские в США — это безус-

ловная российская *внешняя* диаспора, а московские осетины, чеченцы и ингуши — это *внутренняя* российская диаспора. Московские и ростовские армяне — это бывшая внутренняя, а ныне внешняя диаспора государства Армении в России⁴.

В этом случае под категорию диаспоры подпадают огромные массы населения, а в случае с Россией — это, возможно, цифра, равная нынешнему населению страны. По крайней мере, если следовать логике принятого в 1999 г. Федеральным собранием РФ закона «О государственной поддержке соотечественников за рубежом», это наверняка так, ибо закон определяет «соотечественников» как всех выходцев из Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации и их потомков по нисходящей линии. А это, насколько можно предполагать, — около трети населения Израиля и около четверти населения США и Канады, не говоря уже о нескольких миллионах жителей других государств, даже если не считать население Польши и Финляндии, которое формально почти целиком попадает под эту категорию.

Если из общего числа исторических выходцев из нашей страны и их потомков исключить тех, кто полностью ассимилировался, не владеет языком предков, считает себя французом, аргентинцем, мексиканцем или иорданцем и никакого чувства связи с Россией не испытывает, все равно число «соотечественников за рубежом» останется не только крайне большим, но и трудно определяемым по неким «объективным» характеристикам, тем более если эти характеристики относятся к сфере самосознания и эмоционального выбора, что тоже следует считать объективными факторами.

Подлинную проблему представляет не сам факт слишком большой численности диаспоры (такую проблему скорее создал для государства упомянутый выше закон, предусматривающий выдачу «удостоверений соотечественников» по всему миру). Диаспоры в их традиционном значении могут превышать население стран исхода, и у России в силу ряда исторических обстоятельств суммарная эмиграция была действительно многочисленной, как и у ряда других стран (Германия, Великобритания, Ирландия, Польша, Китай, Филиппины, Индия и др.). Проблема с традиционным определением диаспоры состоит в опоре этого определения на объективные факторы самого акта перемещения человека или его предков из одной

страны в другую⁵ и сохранения особого чувства привязанности к «исторической родине».

Объясню эту теоретико-методологическую трудность с определением личностной принадлежности к диаспоре (без индивидуального членства нет и самой диаспоры как некоего коллективного тела) на одном примере из собственного исследовательского опыта. Я был знаком с ныне покойным Джорджем Игнатьевым — известным канадским дипломатом и ректором колледжа Святой Троицы при Торонтском университете. Он ощущал себя не просто канадцем, а именно «русским канадцем» (так его воспринимал и Н.С.Хрущев при встрече в ООН и во время приезда Игнатьева в СССР в 1955 г. в составе официальной канадской делегации). Граф Игнатьев, безусловно, мог считаться представителем российской диаспоры (этих сравнительно давних выходцев из России в дальние страны сейчас иногда называют «традиционной диаспорой»). Спустя почти 20 лет я встретился с его сыном Майклом Игнатьевым — известным английским журналистом и писателем, который с юных лет живет в Великобритании, не знает ни слова по-русски и скорее считает себя представителем канадской диаспоры в Англии («для меня быть канадцем, — говорит он, — просто одна из тех привилегий, которые я получил по праву рождения»). Объективистская категоризация молодого Игнатьева в числе представителей российской диаспоры была бы явной узурпацией по отношению к его самосознанию и жизненному поведению.

В 1987 г. М.Игнатьев написал чудесную книгу «Русский альбом. Семейная сага о революции, гражданской войне и изгнании»⁶. Это было путешествие автора в детство, к которому он уже больше не возвращался, и обращение к семейным реликвиям. Для русского читателя книга — это своего рода историко-культурный документ, порожденный представителем русской диаспорой, и подобное восприятие трудно подвергнуть сомнению, даже если сам Майкл Игнатьев с этим может не согласиться. Во время моей встречи с ним в его богемной квартире в старом Лондоне в январе 1997 г. он не смотрелся как представитель русской диаспоры в отличие от своего отца, которого я наблюдал в Торонто. Хотя и об отце Майкл написал достаточно интересные слова: «Вместе с тем он всегда держался особняком от русской эмиграции, ее фракционных интриг

и допотопной политики. В детстве он казался мне скорее канадцем, чем русским. До сего дня он остается более патриотичным и сентиментальным канадцем, чем я сам. Для него Канада стала страной, давшей ему новую жизнь»⁷.

Вторая слабость общепринятого определения диаспоры состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой распространенный случай образования диаспоры — перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так создается ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» как некой исторической аномалии. И хотя «неразделенных народов» история почти не знает (административные, государственные границы никогда не совпадают с этнокультурными ареалами), эта метафора составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве.

Однако эта важная оговорка не отменяет сам факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема только в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую — «основная территория проживания». С Россией и русскими после распада СССР, казалось бы, все ясно: здесь «диаспора» однозначно располагается за пределами Российской Федерации. Хотя эта новая диаспора (в прошлом ее не было вообще) тоже может быть исторически изменчивой и вариант самостоятельной «балто-славянскости» вполне может заместить нынешнюю пророссийскую идентификацию данной категории русских.

Если в трактовке русских в Прибалтике и других государствах бывшего СССР как новой российской диаспоры на нынешний исторический момент существует высокая степень согласия, то вопрос с осетинами, лезгинами, эвенками (около половины последних живет в Китае) несколько сложнее. Здесь диаспора, в случае появления данного дискурса (по поводу, например, эвенков этот вопрос вообще пока не стоит ни для ученых, ни для самих эвенков), — это прежде всего вопрос политического выбора со стороны представителей самой группы и вопрос межгосударственных стратегий. Хорошо

интегрированные и более урбанизированные по сравнению с дагестанскими азербайджанские лезгины могут не чувствовать себя «российской диаспорой» по отношению к дагестанским лезгинам. Зато лишенные территориальной автономии и пережившие вооруженный конфликт с грузинами южные осетины сделали выбор в пользу диаспорного варианта, и этот выбор стимулируется северо-осетинским обществом и властями данной российской автономии.

В последнее время в отечественной литературе встречается понятие «диаспорных народов» применительно к российским национальностям, не имеющим «своей» государственности (украинцы, греки, цыгане, ассирийцы, корейцы и пр.). В Миннаце России даже появился департамент по делам диаспорных народов, и тем самым академическая новация подкреплена бюрократической процедурой. Диаспорой стали называть и часть нерусских граждан страны, проживающих за пределами «своих» республик (татарская, чеченская, осетинская и другие диаспоры). В некоторых республиках принимаются официальные документы и пишутся научные труды по поводу «их» диаспор.

Обе указанные вариации представляются нам порождением все той же несостоятельной доктрины этнонационализма (на советском жаргоне — «национально-государственного устройства») и деформированной под ее воздействием практики. Сибирские, астраханские и даже башкирские или московские татары — это автохтонные жители соответствующих российских регионов, причем обладающие большим культурным отличием от казанских татар, и они ничьей диаспорой не являются. Общероссийская лояльность и идентичность вместе с чувством принадлежности к данным локальным группам татар подавляют ощущение некой разделенности с татарами «основной территории проживания». Хотя в последние годы Казань довольно энергично внедряет политический проект «татарской диаспоры» за пределами соответствующей республики⁸.

У этого проекта есть некоторые основания, ибо Татарстан сегодня — основной очаг татарского культурного производства, опирающийся на автономную государственность. И все же к татарской диаспоре следует относить скорее татар в Литве или Турции, чем татар в Башкирии. Но и здесь многое зависит от выбора точки зрения. Литовские татары появились в конце XVI в., имели свое княже-

ство и ныне вполне могут сформулировать автохтонный, а не диаспорный проект. Вместе с тем еще лучше «замерить», т.е. определить ощущение и поведение самих татар в разных местонахождениях.

Как известно на примере неоднократных и массовых реконструкций татаро-башкирской идентичности в XX в., данные ощущения исторически могут быть очень подвижными⁹. Только после этого можно осуществлять категоризацию той или иной культурно-отличительной группы населения как диаспоры. *Именно эти два аспекта исторической ситуативности и личностной идентификации не учитывают господствующий в отечественной науке традиционный (объективистский) подход к феномену диаспоры.*

Более нюансировано обсуждение проблем диаспоры в зарубежной науке (преимущественно в историографии и социально-культурной антропологии), но и здесь есть ряд слабых мест, несмотря на интересные теоретические разработки. В первом номере нового англоязычного журнала «Диаспора» один из его авторов Уильям Сэфрэн делает попытку определить, что составляет содержание исторического термина *диаспора*, под которой он понимает «экспатрированную общину меньшинства». Называется шесть отличительных характеристик таких общин: рассеянность из первоначального «центра» по крайней мере в два «периферийных» места; наличие памяти или мифа о «первородине» (homeland); «вера, что они не являются и не будут полностью приняты новой страной»; видение первородины как места неизбежного возвращения; преданность поддержке или восстановлению этой родины; наличие групповой солидарности и чувства связи с первородиной¹⁰. В рамках такого определения бесспорными (но не без исключений!) выглядят армянская, магрибская, турецкая, палестинская, кубинская, греческая и, возможно, современная китайская и прошлая польская диаспоры, однако ни одна из них не подходит под «идеальный тип», который Сэфрэн фактически сконструировал на примере еврейской диаспоры. Но даже и в последнем случае имеется масса несоответствий. Во-первых, евреи не представляют собой единую группу, они — хорошо интегрированная и высокостатусная часть основного населения в ряде стран, во-вторых, большинство евреев не желает «возврата» на первородину, в-третьих, «групповая солидарность» — это тоже миф, который, кстати, жестко отвергается самими евреями,

если заходит речь о «еврейской солидарности», «еврейском лобби» в политике, экономике или академической среде.

Приведенное выше и широко распространенное описание имеет еще один серьезный недостаток: в его основе лежит идея «центрированной» диаспоры, т.е. наличия одного и обязательного места исхода и обязательной связи с этим местом, особенно через метафору возвращения. Большинство исследований по ряду регионов мира показывает, что наиболее распространен вариант, который иногда называют квазидиаспорой. Он демонстрирует не столько ориентацию на культурные корни в каком-то особом месте и желание возврата, сколько стремление воссоздавать культуру (часто в сложной и обновленной форме) в различных местонахождениях¹¹.

Главная слабость в интерпретации исторического феномена диаспоры в современной литературе заключается в эссенциалистской реификации диаспоры как коллективных тел («устойчивых совокупностей»!), причем не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп, чего при более чувствительном анализе установить почти не удастся. «Более того, — пишет Джеймс Клиффорд — автор одного из лучших очерков о теории диаспоры, — в разные времена своей истории в обществах диаспоризм может вспыхивать и затухать (*wax and wane*) в зависимости от меняющихся возможностей (установление и снятие преград, антагонизмы и связи) в принимающей стране и на трансгосударственном уровне»¹². Мы бы только добавили в пользу историко-ситуативного и лично-относительно-ориентированного подхода к трактовке диаспоры то обстоятельство, что не меньшее значение для динамики диаспоры имеют меняющиеся возможности в стране исхода, если таковая есть у диаспоры. Открывшиеся возможности быстрой «личной удачи» и занятия престижных должностей в странах бывшего СССР пробудили в «дальнем зарубежье» гораздо больше диаспорности, чем рутинное желание послужить «исторической родине», которое, казалось бы, должно быть всегда.

Диаспора и понятие «родина»

При всех наших оговорках феномен диаспоры и обозначающий его термин существуют. Задача социальной теории — достичь более

или менее приемлемого консенсуса в отношении определения самого исторического явления, о котором идет речь, или существенно поменять саму дефиницию. Оба пути операциональны с научной точки зрения. В данной работе мы предпочли первый путь, т.е. предлагаем свои размышления о феномене диаспоры преимущественно в российском историко-культурном контексте, не отказываясь в целом от традиционного подхода.

Употребление в историографии и других дисциплинах достаточно условного понятия *диаспора* предполагает существование сопровождающих его категорий, также не менее условных. Прежде всего это категория так называемой родины для той или иной группы. Один из американских специалистов по проблемам этничности Уолкер Коннор определяет диаспору как «сегмент населения, живущий за пределами родины». Это определение примерно совпадает с доминирующим в отечественной историографии подходом. В отечественной этнографии также активно изучаются «сколки с этноса» (например, армяне в Москве¹³). Однако, как мы уже отмечали, подобное слишком широкое обозначение диаспоры неоправданно охватывает все формы иммигрантских общин и фактически не делает различий между иммигрантами, экспатриантами, беженцами, гастарбайтерами и даже включает старожильческие и интегрированные этнические общины (например, китайцев в Малайзии, индийцев на Фиджи, русских липован в Румынии, немцев и греков в России). Последние, по нашему мнению, не являются диаспорой, как и русские на Украине и в Казахстане. А вот российские (поволжские) немцы в Германии — это российская диаспора! Но об этом ниже.

Огромное разнообразие ситуаций сводится в единую категорию фактически на основе одного признака «исторической родины», которая в свою очередь не может быть определена более или менее корректно, и чаще всего это результат инструменталистского, преимущественно элитного выбора. То есть российские немцы (вернее, общественные активисты и интеллектуалы из их среды) принимают решение о Германии как о своей родине, хотя никогда из нее не уезжали, ибо Германии до 1871 г. не существовало (как не существовало и самих немцев как общности). Это решение обычно носит внутригрупповой характер и имеет определенный утилитарный смысл (обеспечение внешней поддержки, защиты на месте

проживания или аргумент в пользу избранного места экономической миграции). Но данное решение может быть и навязано извне, особенно со стороны государства или окружающего населения. Таким мощным насильственным «напоминанием» того, что есть другая родина для российских немцев, например, стала сталинская депортация в период второй мировой войны, а позднее — этнически избирательная миграционная политика Германии.

Подобным же, кстати, жестким напоминанием было интернирование части американцев — гавайских японцев — вскоре после нападения на Перл-Харбор в декабре 1941 г. К тому времени большинство их уже считали себя не японцами, а «азиато-американцами» (Asian Americans). Жителям югославского Косово албанского происхождения тоже сегодня жестко напомнили, что они — диаспора и их родина — Албания, хотя распропагандированные радикальными национал-сепаратистами косовары раньше были больше готовы считать себя отдельной общностью, которая культурно ближе к сербам, чем к южным албанцам. В случае с албанцами и в ситуации косовского кризиса вообще крайне рискованно определять, где есть албанская диаспора на Балканах. Албанская диаспора легко определяется в США или Германии, но в Косово вполне возможен исторический вариант самоопределения (в рамках Югославии или вне ее) уже новой общности — косоваров, ибо последним воссоединиться с бедной «исторической родиной» не очень хочется.

Кстати, косовские албанцы говорят на диалекте албанского языка, который сильно отличается от варианта албанского, который преобладает и является официальным в Албании. Это фактически разные и взаимонепонимаемые языки. Значит, разрабатывать диаспорный проект для одержавших победу с помощью НАТО косовских радикалов политически и экономически невыгодно.

Именно поэтому и чаще всего «родина» — это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание. Понтийские греки в России, эмигрирующие на «историческую родину», — еще один пример достаточно произвольного и рационального выбора. Родина появляется, если она не Сомали, а сытая Германия и относительно благополучная Греция. Нищая Албания до «родины» не дотягивает, хотя всячески старается высту-

пать в подобной роли. Не будь столь циничного исключения русских из нового гражданства в Латвии и Эстонии, более благоприятная социальная (и даже климатическая) среда в этих странах по сравнению с нынешней Россией совсем не стимулировала бы выбор исторической родины в пользу последней. Более 90% русских жителей в этих странах считают их своей родиной, и часть местных интеллектуалов разрабатывает идею балто-славянской отличительности. Но стоит России или хотя бы Ивангороду обрести облик сытости и благополучия, русские жители Нарвы могут существенно поменять свои ориентации, особенно если сохранятся препятствия на пути их полноправной интеграции в доминирующее общество. Тогда возможен не только вариант манифестирования диаспорности, но и ирредентизм, т.е. движение за воссоединение.

Исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности¹⁴ и подвижность политической лояльности затрудняют определение «исторической родины». Однако это понятие крайне распространено в общественно-политическом дискурсе и даже кажется самоочевидным. Я не могу дать ему строгую академическую дефиницию, но признаю как условность и поэтому считаю возможным включить в набор характеристик, которые могут обозначать или отличать феномен диаспоры. Таким образом, *диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Обычно под «родиной» имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив.* Это своего рода штатная ситуация, но и она при ближайшем рассмотрении оказывается сомнительной.

Скорее всего под родиной понимается политическое образование, которое через свое название или доктрину провозглашает себя родиной той или иной культуры при отсутствии других конкурентов. Так, едва ли современная Турция будет оспаривать у Армении право называться исторической родиной армян (хотя у нее может быть на это право) и по понятным соображениям (осуществленный в Турции геноцид армян) уступает это право современной Армении. Зато Греция по политическим и культурным соображениям не желает передавать право «родины» македонцам — жителям государства

с подобным названием. Иногда одна и та же территория (Косово и Карабах) считается «исторической родиной» нескольких групп (сербы и албанцы, армяне и азербайджанцы). Одна и та же группа в зависимости от ситуации может считать «родиной» несколько мест, вернее, государств. Для российских немцев в Казахстане это может быть как Германия, так и Россия — в любом случае есть свои аргументы, если того пожелают сами немцы и не предпочтут новый вариант — стать «казахстанцами». Но главное — это сам момент ситуативности, т.е. определенного выбора в определенный исторический момент.

Диаспора как коллективная память и как предписание

Здесь мы подходим к следующей характеристике диаспоры. *Это наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине» («отечестве» и пр.), которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев.* Представление о родине как коллективная память есть созданная и выученная конструкция, которая, как любая коллективистская идеология, авторитарна по отношению к отдельной личности или каждому члену диаспоры. Ибо в личном плане представление о родине у человека — это прежде всего его собственная история, т.е. то, что он прожил и помнит.

Для каждого человека родина — это место рождения и взросления. Так, для русского, родившегося и выросшего в Душанбе, родина — это речка Душанбинка и отчий дом, а не рязанская или тульская деревня, куда ему пришлось ныне переехать и куда выученная версия или местные таджики указывают ему как на историческую родину. И тем не менее он (она) вынужден(а) принимать эту версию и играть по навязанным правилам в историческую родину — Россию, тем более что часть местных русских, особенно представители старшего поколения, действительно приехали в Душанбе или Нурек из Рязани или Тулы, о чем хорошо помнят и передают эту память детям.

Таким образом, в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или тексты (литературные и бюрократические) и политическую

пропаганду, включая устрашающий лозунг «Чемодан, вокзал, Россия!»

Несмотря на частое расхождение с индивидуальным опытом (чем старше диаспора, тем это расхождение больше), этот коллективный миф постоянно поддерживается, широко разделяется и поэтому может длительно существовать, находя в каждом новом поколении своих адептов. При этом приверженность ему не имеет строгой зависимости от исторической глубины диаспоры: «свежая диаспора» может отвергать коллективную память и даже индивидуальную историю в пользу других более актуальных установок, но в какой-то момент реанимировать прошлое в грандиозном масштабе. Даже в случае, казалось бы, вполне очевидной полной ассимиляции всегда могут найтись культурные предприниматели, которые возьмут на себя миссию возрождения и коллективной мобилизации и добьются в этом значительных успехов. Почему это происходит? Конечно, не по причине некоего «генетического кода» или культурной предопределенности, а прежде всего по причине рациональных (или иррациональных) стратегий и с инструменталистскими (утилитарными) целями.

И здесь мы подходим еще к одной характеристике феномена диаспоры, которую я называю фактором доминирующего общества или среды существования диаспоры. *Идеология диаспоры предполагает, что ее члены не верят в то, что они есть интегральная часть и, возможно, никогда не смогут быть полностью приняты обществом проживания и по этой причине хотя бы частично чувствуют свое отчуждение от этого общества.* Чувство отчужденности прежде всего связано с социальными факторами, особенно с дискриминацией и приниженным статусом представителей той или иной группы.

Безусловный фактор отчуждения — культурный (прежде всего языковой) барьер, который, кстати, легче и быстрее всего преодолевается. В ряде случаев труднопреодолимый барьер может создавать и фенотипическое (расовое) различие. Но даже успешная социальная интеграция и благоприятная (или нейтральная) общественно-политическая среда не могут избавить от чувства отчуждения.

Иногда, особенно в случае трудовых (прежде всего аграрных) миграций, отчуждение вызвано трудностями хозяйственной адапта-

ции к новой природной среде, требующей радикальной смены систем жизнеобеспечения и даже природно-климатической адаптации. Горы долго снятся тем, кому приходится учиться обрабатывать равнинные пашни, а березки — тем, кто сражается с пыльными бурями в канадских прериях, чтобы спасти урожай. И все же последнее («ландшафтная ностальгия») проходит быстрее, чем жесткие социальные (расовые тоже в этой же категории) клетки, из которых представители диаспор выбираются поколениями, иногда на протяжении всей известной истории. Есть интересные случаи, когда, например, к «пробившимся» японо-американцам «пристраиваются» фенотипически схожие калмыки США в целях снижения барьера диаспорности.

Именно отсюда рождается еще одна отличительная черта диаспоры — *романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда представители диаспоры или их потомки должны рано или поздно возвратиться*. Обычно здесь имеет место довольно драматическая коллизия. Образование диаспоры связано с психологической травмой в результате миграции (переезд всегда есть жизненно важное решение) и тем более с трагедией насильственного перемещения или исхода. Чаще всего перемещение происходит из менее благополучной социальной среды в более благополучные и обустроенные социальные и политические сообщества (основным фактором пространственного передвижения людей на протяжении всей истории остаются прежде всего экономические соображения). Хотя в отечественной истории XX в. идеологические и вооруженные коллизии выступали часто на передний план. Даже в этих случаях частная социальная стратегия присутствовала подспудно. Как сказал мне один из информаторов, житель Калифорнии Семен Климсон, «как я увидел это богатство (речь шла об американском лагере для перемещенных лиц. — В.Т.), так и возвращаться из плена в мою разоренную Белоруссию не захотелось».

Идеальная родина и политическое отношение к ней могут сильно различаться, и поэтому «возвращение» понимается как восстановление некой утраченной нормы или приведение этой нормы-образа в соответствие с идеальным (рассказанным). Отсюда рождается еще одна характерная черта диаспоры — *убеждение, что ее*

члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности. В ряде случаев именно вера в эту миссию обеспечивает этнообщинное сознание и солидарность диаспоры. Фактически отношения в самой диаспоре строятся вокруг «служения родине», без чего нет самой диаспоры.

Далеко не все случаи могут включать описанные характеристики, но именно этот широкий комплекс чувств и веры — определятельная основа диаспоры. Поэтому если говорить о более строгой дефиниции, то, вероятно, наиболее подходящей может быть не та, которая исходит из объективного набора культурных, демографических или политических характеристик, а та, которая строится на понимании феномена как ситуации и ощущения. История и культурная отличительность — это только основа, на которой возникает феномен диаспоры, но сама по себе эта основа не является достаточной. Таким образом, *диаспора — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность и, тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции.*

В подтверждение своего тезиса, что диаспора — это ситуация и личный выбор (или предписание), приведу несколько примеров. Очень интересная и противоречивая рефлексия на этот счет просматривается в книге Майкла Игнатьева: «Я чувствовал, что должен выбрать одно из двух прошлых — канадское или русское. Экзотика всегда привлекательнее, и я старался быть сыном своего отца. Я выбрал прошлое исчезнувшее, прошлое, утраченное в пожаре революции. На прошлое матери я смело мог рассчитывать: оно всегда оставалось при мне (мать Майкла — канадка английского происхождения. — В.Т.). Прошлое же отца для меня значило гораздо больше: это прошлое мне еще предстояло воссоздать, прежде чем оно стало моим».

И далее читаем: «Сам я тоже никогда не изучал русский язык. Мою неспособность выучить его я объясняю теперь подсознатель-

ным сопротивлением прошлому, которое я, казалось бы, сам для себя выбрал. Предания старины никогда не навязывались мне, так что мой протест был направлен не против отца или его братьев, а скорее против моего собственного внутреннего влечения к этим чудесным историям, против того, что казалось мне постыдным стремлением устроить свою маленькую жизнь в тени их славы. Я не был уверен, что имею право на протекцию со стороны прошлого, а если и допускал это, то не желал воспользоваться такой привилегией. Когда я поделился своими сомнениями с одним из моих друзей, тот ехидно заметил, что не слышал, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь отказывался от своих привилегий. Поэтому я пользовался своим прошлым всегда, когда это было мне необходимо, но всякий раз испытывал при этом чувство вины. Мои друзья в большинстве своем имели заурядное прошлое, или даже такое, о котором предпочитали не распространяться. Я же имею в роду ряд знаменитостей, убежденных монархистов, переживших несколько революций и *героическое изгнание* (курсив мой. — В.Т.). И все-таки, чем сильнее была моя в них нужда, тем сильнее становилась внутренняя потребность от них отречься, чтобы создать себя самому. Выбрать прошлое означало для меня установить пределы его власти над моей жизнью»¹⁵.

В период служения главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Джон Шаликашвили никак не желал реагировать на горячие призывы-напоминания со стороны Грузии о его принадлежности к грузинской диаспоре, а это означает, что он и не был представителем этой диаспоры. Он был просто американцем с давними грузинскими корнями, о которых ему напоминала только фамилия (возможно, не всегда в позитивном контексте в процессе продвижения по службе). Уход в отставку и появление свободного времени вызвали у генерала интерес к Грузии, особенно после получения в реституцию дедовского дома и приглашения президента Э.Шеварднадзе дать консультацию в строительстве грузинской национальной армии. Тогда американский генерал уже начал вести себя как представитель диаспоры. Именно так появились американские пенсионеры и более *молодые предприниматели от диаспоры* в должности президентов и министров ряда постсоветских государств или сепаратистских регионов

(как, например, американцы в должности президентов стран Балтии, иорданец Юзеф в должности дудаевского министра иностранных дел или американец Хованисян в той же должности в Армении). Один из моих аспирантов Рубен К., работающий в московском представительстве непризнанного образования — Нагорно-Карабахской Республики, так и признался мне еще в начале 1990-х годов: «Из-за событий в Карабахе и я решил теперь стать армянином, хотя до того меня это все мало интересовало».

То, что диаспора — это не статистика и тем более не совокупность лиц с одинаково звучащими фамилиями, подтверждает еще одно мое наблюдение. В конце 1980-х годов я и мой коллега по институту Ю.В.Арутюнян были в США. В Нью-Йорке принимавшая нас проф. Нина Гарсоян, заведующая кафедрой армянских исследований, пригласила нас с Арутюняном 24 апреля в армянскую церковь отметить «самый памятный день для армян». «А что это у них за праздник?» — была первая реакция коллеги. Формально оба (Арутюнян и Гарсоян) могли считаться представителями армянской диаспоры: один — дальней, другой — ближней, или внутренней (до распада СССР). Более того, Ю.В.Арутюнян даже специально изучал армян-москвичей и дал интересный социально-культурный анализ этой части жителей города. Но в данном случае мы имеем принципиально два разных случая. Один — пример манифестируемого диаспорного поведения (не только регулярное посещение армянской церкви, но и интенсивное воспроизводство «армянскости» на территории США и за ее пределами); другой — пример молчаливой этничности низкого уровня, когда человек по культуре, языку и личному участию в социальном производстве (один из ведущих советских, российских ученых-социологов) — скорее русский, чем армянин, и никак не участвует в дискурсе по поводу армянской диаспоры. В статистику армянского зарубежья (даже в собственных трудах) он может попасть, но представителем диаспоры не является.

Механизм и динамика диаспоры

Именно социально конструируемые и реконструируемые содержательные образы диаспоры делают ее трудноопределимым в смысле границ и членства и в то же время очень динамичным явле-

нием, особенно в современной истории. Диаспоры новейшего времени — это далеко не «сколки с этноса», как полагают некоторые ученые. Это — мощнейшие исторические акторы, способные вызывать и влиять на события самого высокого порядка (например, войны, конфликты, создание или распад государств, опорное культурное производство). Диаспоры — это политика и даже геополитика на протяжении всей истории, а в современный период особенно. Неслучайно англоязычный научный журнал на эту тему называется «Диаспора: журнал транснациональных исследований».

Сначала скажем о механизме и языке диаспоры как одной из форм исторического дискурса. Поскольку мы проводим различие между понятиями «миграция» и «диаспора», многие механизмы анализа и описания последнего явления должны быть также различными и не ограничиваться традиционным интересом к процессам ассимиляции, статуса и этнокультурного своеобразия. Другими словами, изучение американских калмыков как иммигрантской группы и взгляд на нее как на диаспору — это два разных ракурса исследования и даже два схожих, но разных явления. В равной мере диаспора — это не просто этнически или религиозно отличительные группы иммигрантского происхождения.

Во-первых, не все иммигрантские группы ведут себя как диаспора и считаются таковой в восприятии окружающего общества. Едва ли можно назвать диаспорой испано-американцев в США, включая не только потомков жителей к северу от Рио-Гранде, но и более «свежих» эмигрантов из Мексики. Эта группа явно не мексиканская и тем более не испанская диаспора, хотя в академическом и политическом просторечии эта категория населения в США называется Hispanic. Но тогда что и почему становится диаспорой?

Хорошей разъясняющей антитезой здесь может быть пример с кубинской иммиграцией США. Это почти миллионное население с общим доходом, превышающим валовой национальный продукт всей Кубы, безусловно, является кубинской диаспорой. Оно демонстрирует одну из важнейших характеристик диаспорного поведения — активный и политизированный дискурс о родине, который включает идею «возвращения» как на родину, так и самой родины, которую, по представлению кубинцев в США, у них украл Фидель Кастро. Вполне возможно, что идея возвращения — это лишь изощрен-

ные форма и средство интеграции кубинских иммигрантов в доминирующем обществе, политики которого уже несколько десятилетий тоже одержимы вернуть старую Кубу. Однако нельзя исключать, что кубинская эмиграция (причем не только в США) ведет себя как диаспора, ибо через это выражаются сопротивление ее пониженному статусу в новой стране пребывания и, возможно, желание вернуться жить на родину или *вернуть родину* как место деловой деятельности, ностальгических путешествий и родственно-дружеских связей.

Во-вторых, очертания каждой конкретной диаспоры и групповые этнокультурные границы часто не совпадают: это не одинаковые ментальные и пространственные ареалы. Диаспора часто бывает многоэтничной и своего рода собирательной категорией (более обобщенной) по сравнению с категорией иммигрантской группы. Происходит это по двум причинам: более дробного восприятия культурного многообразия в стране происхождения (*индийцы* — это для внешнего мира, а в самой Индии живут не индийцы, а маратхи, гуджаратцы, ория и еще несколько сотен других групп, не говоря уже о разности религий и каст) и более обобщенного восприятия инокультурного населения в принимающем обществе (все выглядят как индийцы или даже азиаты, все выходцы из Испании на Кубе просто испанцы, а все адыгские и даже некоторые другие народы с Кавказа за рубежами России — это черкесы).

Один из таких собирательных и многоэтничных образов — *русская (российская) диаспора*, особенно так называемое дальней зарубежье в отличие от «нового» зарубежья, которое еще требует своего осмысления. Длительное время «русскими» за рубежом считались все, кто прибыл из России, в том числе, конечно, евреи. Это же остается характерным для современного периода. Даже в «ближнем зарубежье», например в Средней Азии, украинцы, белорусы, татары в восприятии местных жителей — это «русские». Кстати, для собирательного обозначения большую роль играет и чисто лингвистическая гетероглоссия. Для западного и шире — для внешнего мира — понятие *Russian Diaspora* — это не русская, а российская диаспора, т.е. данное понятие изначально не имеет исключительно этнической привязки. Сужение происходит при обратном неточном переводе на русский язык слова *Russian*, которое в большинстве слу-

чаев должно переводиться как «российский». Но дело далеко не в языковой гетероглоссии при формировании ментальных границ диаспоры.

Диаспора часто принимает новую целостность и более гетерогенную (внеэтническую) идентичность и считает себя таковой по причинам как внешнего стереотипа, так и реально существующей общности по стране происхождения и даже по культуре. При всем идеологически мотивированном скептицизме *Homo sovieticus* — это далеко не химера как форма идентичности в бывшем СССР, а тем более как форма общей солидарности представителей советского народа за границей («Все равно все говорим, хотя бы между собой, по-русски, а не на иврите или на армянском», — сказал мне один из советских эмигрантов в Нью-Йорке).

В равной мере многоэтничный, более широкий характер несут многочисленные диаспоры, которые называются «китайская», «индийская», «вьетнамская». В Москве можно видеть торгующих индийцев и вьетнамцев. И те, и другие общаются между собой на английском и русском языках соответственно, ибо их родные языки в стране исхода — разные. Но в Москве они воспринимаются и ведут себя солидарно как индийцы и вьетнамцы.

Таким образом, в основе создания диаспорных коалиций лежит преимущественно фактор общей страны происхождения. Так называемое национальное государство, а не этническая общность есть ключевой момент диаспорообразования. Современная «русская диаспора» в США происходит из государства, где этничность имела значение (или просто настойчиво насаждалась), а в стране нового пребывания — уже нет. В США для «русских» общие язык, образование, игра «КВН» становятся объединителями и заставляют забыть, что было записано в пятой графе советского паспорта.

Диаспору объединяет и сохраняет нечто большее, чем культурная отличительность. Культура может исчезнуть, а диаспора — сохраниться, ибо последняя как политический проект и жизненная ситуация выполняет особую по сравнению с этничностью миссию. Это — политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша. Американские ирландцы в этнокультурном смысле уже давно не больше ирландцы, чем остальное население США, дружно празднующее День святого Патрика. Что касается политического и

другого участия, связанного с ситуацией в Ольстере, здесь они ведут себя отчетливо как ирландская диаспора. Именно диаспорные формы поведения демонстрируют российские армяне и азербайджанцы в вопросе конфликта вокруг Карабаха, хотя в других ситуациях их диаспорность никак не носит выраженный характер («Зачем я должен отдавать землю, где покоятся кости моих предков?» — заявил один известный азербайджанец, проживший всю жизнь в Москве).

Более широкие границы диаспорных коалиций могут строиться на основе общего негативного опыта расовой или экономической маргинализации. Общая история колониальной и неоколониальной эксплуатации объединяет проживающих во Франции выходцев из Алжира, Марокко и Туниса и делает их *франко-магрибской* диаспорой. В 1970-е годы можно было наблюдать, как в Англии мощный наплыв иммигрантов из Южной Азии, афрокарибцев и африканцев заставлял последних выстраивать солидарные диаспорные сети на основе неразделенного восприятия этих иммигрантов как «черных» со стороны доминирующего общества.

Итак, что и как производит диаспору, если это не просто иммигрантская группа в населении той или иной страны? И каковы в этом аспекте перспективы российской диаспоры? Один из основных производителей диаспоры — страна-донор, причем не просто в утилитарном смысле как поставщик человеческого материала, хотя последнее обстоятельство носит отправной характер: нет страны исхода — нет и диаспоры. Однако часто бывает, что диаспора старше самой страны, по крайней мере в понимании страны как государственного образования. Пример с российскими немцами мной уже приводился. Особенно он распространен в отношении регионов недавнего государствообразования (Азия и Африка), которые в глобальном масштабе являются основными поставщиками мировых, наиболее крупных диаспор. Российская диаспора — одна из самых многочисленных — не может сравниться с китайской, индийской или японской. Возможно, она даже меньше магрибской.

Где и когда российская диаспора?

Нам не хотелось бы заниматься упрощенным пересказом, однако напомним, что Россия за последние полтора века была в демографическом аспекте довольно мощным поставщиком эмиграции, а значит, и потенциальной диаспоры, если таковая образовывалась по предложенным нами различительным критериям. Опять же заметим, что не все выехавшие из России — это состоявшаяся диаспора или всегда диаспора.

Тем не менее в дореформенной России наблюдались интенсивная пространственная колонизация и преимущественно религиозная эмиграция (русские старообрядцы). И хотя переселенцы XVIII — первой половины XIX в. почти все оказались в составе расширяющей свои границы России, часть их поселилась в Добрудже, вошедшей в состав Румынии и Болгарии с 1878 г., и на Буковине, отошедшей с 1774 г. к Австрии. Еще раньше, в 70 — 80-е годы XVIII в., имел место отток более 200 тыс. крымских татар в пределы Османской империи: в европейской части Турции (Румелии) в начале XIX в. проживали 275 тыс. татар и ногайцев¹⁶. В 1771 г. примерно 200 тыс. калмыков ушли в Джунгарию (кстати, калмыки — интересный пример множественной диаспорной идентичности: для многих из них родина — это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран сразу в зависимости от ситуации и личностного или группового выбора). В 1830–1861 гг. имели место второй исход крымских татар и ногайцев, а также эмиграция поляков. Но этот случай уже давно перестал относиться к ареалу российской диаспоры, как, кстати, недавно перестали быть частью российской диаспоры и крымские татары. На обе эмигрантские группы в разные периоды появились новые владельцы «исторической родины» — Польша и Украина.

В пореформенные десятилетия пространственные движения населения значительно увеличились. Свыше 500 тыс. выехали в 1860–1880-е годы (в основном поляки, евреи, немцы) в соседние государства Европы и небольшая часть — в страны Америки. Но особенность этой волны эмиграции в том, что она не привела к образованию устойчивой, или исторической, российской диаспоры, еще раз подтверждая наш тезис, что не каждое переселение на новое

место ведет к образованию диаспоры. А причина здесь в том, что по своему этническому, религиозному составу и социальному статусу эта эмиграция уже (или еще) была диаспорой в стране исхода, а более позднее появление «настоящей исторической родины» (Польша, Германии и Израиля) исключило возможность выстраивания диаспорной идентичности с Россией. Хотя в принципе это было вполне возможно, ибо у исторически более давней (идеологически сконструированный Израиль как еврейская прародина) или у географически более локальной (Польша как часть России) территории шансов быть родиной не больше, чем у большой страны.

Другими причинами того, что ранняя эмиграция из России не стала базой для образования диаспоры, могли быть сам характер миграции и историческая ситуация в принимающей стране. Это была отчетливо неидеологическая (трудовая) эмиграция, поглощенная сугубо хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием. В ее среде еще было крайне недостаточно представителей интеллектуальной элиты и этнических активистов (диаспорных предпринимателей), которые взяли бы на себя труд политического производства диаспорной идентичности. Без интеллектуалов как производителей субъективных представлений нет диаспоры, а есть просто эмигрантское население. Возможно, свою роль сыграл также антицаристский содержательный момент ранних российских эмиграций, но этот аспект следует специально изучать, и мне трудно определенно высказаться по этому сюжету. Скорее это был крайне второстепенный момент для большинства неграмотного населения, вовлеченного в переезд.

В последние два десятилетия XIX в. эмиграция из России резко возросла. Уехало примерно 1140 тыс. чел., в основном в США и Канаду. Особую группу составили «мухаджиры» — жители преимущественно западной части Северного Кавказа, покинувшие территории своего проживания в ходе Кавказской войны. Они переселились в разные регионы Османской империи, но больше всего — на Малоазиатский п-ов. Их численность, по разным источникам, колеблется от 1 до 2,5 млн. чел. Последние составили основу для черкесской диаспоры, которая в момент происхождения не была российской, а стала таковой уже после включения Северного Кавказа в состав России.

Черкесская диаспора изучена в отечественной литературе слабо, но есть основания полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались направленные меры по сохранению культуры и языка.

Однако вклад страны-донора в сохранение диаспоры помимо первичного выброса населения был минимальным, особенно в советский период. Не только осуществлять связи, но даже писать о мухаджирах в научных трудах было почти невозможно. Родина надолго, а для многих и навсегда исчезла из идеологического комплекса диаспоры. Кавказ был где-то там, за «железным занавесом», и питал диаспору слабо. Единственное обратное воздействие происходило через идеологическую и политическую миссию борьбы с СССР и коммунизмом, но этим занимались только единицы, как, например, Абдурахман Авторханов — чеченский политолог и публицист, проживавший в ФРГ. Его представление о родине было столь смутным, что описание Авторхановым истории депортаций чеченцев и ингушей строилось на убеждении, что вайнахский народ исчез в горниле сталинских репрессий. Отсюда и родилась известная метафора «народоубийства».

По причине исторической давности и полной изоляции от родины черкесская диаспора или таяла, или оставалась обычным иммигрантским населением, подвергавшимся местной интеграции и ассимиляции. Ее актуализация произошла в самые последние годы именно под воздействием родины, когда в СССР, а затем в России и других постсоветских государствах осуществлялись глубокие и драматические трансформации. Новая родина вспомнила о диаспоре раньше, чем сам диаспорный материал, ибо последний был нужен для целого ряда новых коллективных, групповых стратегий.

Во-первых, наличие соотечественников (соплеменников) за рубежом помогало советским людям осваивать внезапно открывшийся для них внешний мир. Во-вторых, новые формы деятельности, например предпринимательство, порождали надежды на «богатую диаспору», члены которой могут помочь в серьезном бизнесе или хотя бы в организации шоп-туров в Турцию, Иорданию, США и другие страны. В-третьих, мифические миллионы эмигрантов, якобы гото-

вых вернуться на свою историческую родину, могли поправить демографический баланс и пополнить ресурсы для тех, кто, пребывая в меньшинстве, задумал образовать «свое» государство в ходе «парада суверенитетов». Первыми предприняли отчаянные усилия добавить к своей численности зарубежных соплеменников абхазы. За ними последовали казахи, чеченцы, адыгейцы и некоторые другие группы.

Именно этот новый импульс от родины пробудил диаспорные чувства среди части уже постаревшей и почти растворившейся северокавказской эмиграции. Нынешние косовские адыги и слыхом не слыхивали об Адыгее, и специалисты не фиксировали с их стороны какого-либо интереса к последней даже в период либерализации в России. Полуторавековая эмиграция косовских адыгов и их нулевые связи с «родиной» привели к тому, что культурный облик косовских и российских адыгов стал очень разным. Подавляющее большинство первых говорит на сербскохорватском языке, вторые — преимущественно на русском или на адыгском. Однако желание «владельцев» диаспоры поправить в свою пользу демографический баланс через «репатриацию» (в Адыгее на этот счет в 1998 г. был принят особый закон) побудило их агитировать косовских адыгов за переезд и делать последним щедрые посулы, вплоть до лоббирования особого постановления правительства РФ по данному вопросу. Не было счастья, да несчастье помогло: напряженная ситуация в Косово (т.е. на подлинной родине косовских адыгов) стала действительно нетерпимой и заставила откликнуться (т.е. согласиться с диаспорным поведением) несколько десятков семей, которым адыгейские власти пообещали радушный прием и даже постройку домов.

События в Югославии способны возродить образ России (Адыгеи) как родины для тех косовских адыгов, которые не смогут остаться в Косово или эмигрировать в более благополучные страны. Но это уже другой фактор производства диаспоры — внутренний, о котором речь пойдет ниже. В целом же случай черкесской диаспоры скорее свидетельствует о том, что *исторически давние миграции и изоляция от родины редко создают устойчивые и полнокровные диаспоры, как бы на этот счет ни фантазировали энтузиасты «зарубежья» в самой стране исхода.*

Возможно, аналогичная ситуация сложилась бы и с другой частью (преимущественно восточнославянской) эмиграции из России конца прошлого века, если бы не происходила ее мощная и периодическая подпитка в последующее время. В первые полтора десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. До первой мировой войны Россию покинуло еще около 2,5 млн. чел., переселившихся в основном в страны Нового Света. Всего примерно за 100 лет с начала массовых внешних миграций из России выехало 4,5 млн. чел. Кстати, следует помнить, что в этот же период в страну прибыло 4 млн. иностранцев, часть из которых образовала условные внутрироссийские диаспоры, о которых следует говорить особо.

Можно ли считать всю эту массу выходцев из дореволюционной России диаспорой? Наш ответ: конечно, нет. Во-первых, территориально почти всех эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Волинь), и тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Хотя многие из выехавших культурно были сильно русифицированы и даже считали родным языком русский, едва ли возможно ближайшего соратника Адольфа Гитлера Альфреда Розенберга, который был выходцем из Литвы и лучше говорил по-русски, чем по-немецки, считать представителем русской эмиграции. Между тем современные политические спекуляции историков позволяют создавать подобные конструкции. Недавно радиостанция «Свобода» посвятила одну из своих передач книге американского историка Уолтера Лакиера «Русские истоки фашизма», где как раз случай с гитлеровскими соратниками из российской Прибалтики был положен в основу конструкции происхождения фашизма в России! При этом трудноуязвимое выражение «русские истоки фашизма» (Russian Roots of Fascism) в неточном (но часто встречающемся) обратном переводе («русские») оказалось абсолютно неприемлемым и откровенно провокационным.

Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на судьбу последней в плане ее возможности стать российской диаспорой и именно в этом качестве интерпретироваться историками. В числе российских эмигрантов в США 41,5% составляли евреи (72,4% прибывших в эту страну евреев). Погромы и сильная дис-

криминация евреев в России, а также нищета обусловили у них глубокий и длительно сохраняющийся отрицательный образ родины, который отчасти сохраняется до сих пор. Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание «российскости», а тем более «русскости». Встреченные мной в США, Канаде и Мексике многие потомки этой части эмиграции (более десятка только одних коллег антропологов!) почти никак не сохранили и не ощущали сопричастность к России. А значит, и не были ее диаспорой.

Но главное даже не в этом, ибо сам по себе негативный образ и успешная интеграция не являются безоговорочными разрушителями диаспорной идентичности. В случае с евреями важным оказалось еще одно историческое обстоятельство — появление родины-конкурента, причем довольно успешного. Израиль добился победы в этой конкуренции путем обращения к религии и демонстрации более успешного социального устройства, чем в России, а также пропагандой идеи *алии*.

В самые последние годы мной были зафиксированы случаи возвращения к российским корням потомков давних эмигрантов-евреев, но это были преимущественно иностранные граждане — молодые авантюристы, которых привлекала перспектива сделать быстрые деньги в условиях российских экономических трансформаций. Одному из них, Александру Рэндаллу, основавшему фирму «Бостон компьютер иксчейнч» (идея сплавить в СССР устаревшие американские компьютеры), были переведены первые заработанные Институтом этнографии 5 тыс. долл. США, и эта жертва (институт получил откровенный металлолом), как я слабо надеюсь, хотя бы способствовала конъюнктурной диаспорной сопричастности молодого американца к России («У меня где-то кто-то давно был из России, но я ничего не помню», — сказал он).

Из 4,5 млн. эмигрантов из России только около 500 тыс. считались «русскими», но на самом деле это были также украинцы, белорусы, часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тыс. «русских» и 56 тыс. «украинцев», хотя это явно завышенные цифры, так как среди них были представители многих этнических групп, особенно евреев. В Канаде перепись 1921 г. также зафиксировала

почти 100 тыс. «русских», однако на самом деле в эту категорию оказались включены почти все восточные славяне и евреи, выехавшие из России.

Таким образом, всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 млн. чел. в качестве диаспорного материала для разных стран, из которых только не более 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы. Кто из многочисленных потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать крайне трудно. С украинцами ситуация яснее, ибо они по ряду причин вели себя «диаспорнее», чем этнические русские. Белорусы скорее всего совершили переход в русскую или украинскую группу потомков.

Фактически исторический отсчет традиционной для современности российской диаспоры начинается позднее в связи с миграционными процессами после 1917 г. В 1918–1922 гг. большого размаха достигла политическая эмиграция групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5-2 млн. чел.), но ясно одно: впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить не только как о диаспорном человеческом материале, но и как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с самого начала возникновения этой волны мигрантов.

Объясняется это рядом обстоятельств, подтверждающих наш тезис, что *диаспора — это явление прежде всего политическое, а миграция — социальное*. Элитный характер мигрантов, а значит, более обостренное чувство утраты родины (и имущества) в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловили гораздо более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Именно эта эмиграция-диаспора вобрала в себя почти все данные мной выше характеристики, в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвращается в Россию. Именно эта эмиграция не имела и не имеет никакой другой конкурирующей родины, кроме России во всех ее исторических конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции в последнее десятилетие оказались больше всего направлены симпатии страны исхода, согрешившей в про-

цессе демонтажа господствовавшего политического порядка радикальным отторжением всего советского периода как некой исторической аномалии.

Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая «правильной» русской речью. Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, обласканная вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о «золотом веке» русской эмиграции, с которым еще придется разбираться с помощью новых более спокойных прочтений.

Было бы несправедливо, с точки зрения исторической корректности, забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время второй мировой войны из почти 9 млн. пленных и вывезенных на работы к 1953 г. вернулось около 5,5 млн. чел. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Правда, из этих 300 тыс. только меньше половины были с территории СССР в старых границах. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении (точнее, в невозможности возврата) СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, и поддержание языка и даже мизерных послесталинских связей с родиной (после Хрущева). Мой информатор Семен Климсон, молодым человеком вывезенный из Белоруссии немцами, женился на Валентине — дочке белого эмигранта (родственника генерала Краснова и теософки Блаватской). Валентина Владимировна во время нашей последней встречи в их новом доме в Виргинии летом 1998 г. призналась, что со своим французским образованием чувствует себя больше француженкой (выросла во Франции), но остается русской и сохраняет язык только из-за Семена, который «так и остался русским».

Не менее, а даже более идеологической была небольшая, но очень политически громкая эмиграция из СССР в 1960–1980-е годы в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951–1991 гг. из страны выехало около 1,8 млн. чел. (максимально в 1990–1991 гг. — по 400 тыс.), из них почти 1 млн. евреев (две трети — в Израиль и треть — в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько меньшими темпами.

Какое число российских соотечественников живет в дальнем зарубежье? Само число 14,5 млн. выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или СССР, а сейчас не являются частью России. Восточнославянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части «белой эмиграции» и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. В целом русских в дальнем зарубежье — около 1,5 млн., в том числе в США — 1,1 млн. Что касается лиц, имеющих «русскую кровь», то их в несколько раз больше.

Большой вопрос: как и кем считать представителей других этнических групп? Выходцы из России создали основные этнические общности в двух странах: в США 80% евреев — это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев — выходцы из России.

Новые диаспоры или транснациональные общности?

Распад СССР создал ситуацию, которая трудно поддается жестким определениям. Бытовая (вне современной теории) наука и политика, используя традиционный подход и данные переписи 1989 г., объявила, что после распада СССР общая численность зарубежных россиян — 29,5 млн., из которых русские составляют 85,5% (25 290 тыс.)¹⁷. Все остальные народы, кроме немцев, татар и евреев, не образуют значительных групп в новом зарубежье. Три народа разделены границами примерно на равные общины (две трети осетин в России, треть — в Грузии; треть цахуров в России, две трети — в Азербайджане; лезгины поровну в России и Азербайджане). Все это стало называться «новыми диаспорами». Естественно, что о «своих»

диаспорах заявили и другие постсоветские государства. На Украине начали проводить обширную исследовательскую программу по изучению диаспор, в том числе украинской в России. Но вся эта конструкция зиждется на шатком основании советских этнографических и бюрократических классификаций, которые привязывали представителей той или иной национальности к достаточно произвольно определенной административной территории, называвшейся «территорией своей (или «национальной») государственности».

Никто из советских и нынешних этнических предпринимателей от науки и политики не определял, на территории «чьей» государственности находится его подмосковная дача или городская квартира, но зато с удовольствием записывал территорию, контролировавшуюся красной конницей Валидова в период гражданской войны и ставшую Башкирской республикой, как территорию «своей государственности» башкир. И подобная операция совершалась на протяжении всей советской истории для тех граждан, национальность которых совпадала с названиями «национально-государственных образований» разного уровня. В то же время армянин Эдуард Баграмов, украинец Михаил Куличенко, армянин Эдуард Тадевосян, аварец Рамазан Абдулатипов или гагауз Михаил Губогло, справедливо считающие себя разработчиками советской национальной политики позднего периода и сохранившие свою приверженность ее академической основе, никогда вопрос об «этнической принадлежности» территорий своих подмосковных дач не задавали и представителями «чужих» диаспор в России сегодня себя не считают. Что, на наш взгляд, они правильно делали и делают «по жизни», однако это означает, что ошибаются «по науке», или же наоборот, но только никак не вместе. Если есть «этнические территории» и «своя государственность» в смысле этногрупповой принадлежности, значит, она должна быть везде и распространяться не только на сельские уголья, но и на городские улицы.

Клише «своей — не своей» этнической территории в рамках одного государства или на трансгосударственном уровне живуче до сих пор, и на его основе строится современный дискурс о постсоветских диаспорах. К академическим постулатам только добавились дополнительные интерес и аргументы, продиктованные новыми постсоветскими соперничествами. Если Россия приоритетно забо-

тится о разделенном русском народе и о своей диаспоре, то тогда почему Украине и Казахстану не ответить тем же, включая требование паритетности в вопросах обеспечения культурных и других запросов представителей «своих» диаспор (как спросил меня один украинский политик, «сколько там у вас в Краснодарском крае, в Сибири и на Дальнем Востоке детских садиков на украинском языке?»)?

«Новодиаспорная» конструкция безосновательно делит граждан одной страны на диаспору и, видимо, на «основное население», когда для этого нет значимых культурных и других различий. Украинцы в Сибири и Краснодарском крае, равно как русские в Харькове и Крыму, являются автохтонными жителями и равноправными создателями всех форм государственности, на территории которых они проживали и ныне проживают. От того, что в географическом пространстве прошли новые границы, в том числе в виде визуальных пограничных и таможенных постов, в их повседневности мало что изменилось. Они не перестали быть «основным населением».

Русский и русскоязычный — это два разных понятия: по переписи 1989 г. русский язык в странах ближнего зарубежья считали родным более 36 млн. чел., но на самом деле их значительно больше. Русский язык считают родным на Украине 33,2% населения, однако реальная цифра — около половины, в Белоруссии — 32%, но реально родной русский язык для более половины населения. Примерно половину населения составляют говорящие на русском языке жители Казахстана и Латвии. Несколько меньше в Киргизии и Молдове.

«Новые диаспоры» — это малоприемлемая категория, а тем более категория «меньшинства», в которую «запихнули» эту часть населения представители «титовых наций». В ситуации неустоявшихся трансформаций и жесткой политизированности предпочтительнее начинать с анализа, а не с категории. Станут ли русские диаспорой в смысле своей групповой отличительности и демонстрируемой связи с родиной — Россией? Это вопрос огромной значимости. И здесь, на наш взгляд, возможны четыре исторические перспективы.

Первая — это полноправная социально-политическая интеграция и частично культурная (на основе двуязычия и многокультурно-

сти) в новые гражданские сообщества, построенные на доктрине равнообщинных государств. Это сейчас наиболее сложная, но самая реальная и конструктивная перспектива, с точки зрения как национальных интересов этих стран, так и интересов России, не говоря о самих русских. Кое-где признаки новой доктрины государство-строительства на основе многоэтнических гражданских наций появляются, однако наследованный и господствующий этнонационализм блокирует эту тенденцию.

Вторая — это формирование более широких конгломеративных коалиций с другими русскоязычными жителями (славянской диаспоры), что маловероятно в условиях довольно успешной «национализации» титульных групп, но тем не менее возможно.

Третья — это переход на статус меньшинств и мигрантских групп с перспективой ассимиляции. Это фактически невозможно из-за мирового статуса русского языка и культуры и мощного соседствующего воздействия России.

Четвертая — массовый исход в Россию. Это возможно для Средней Азии и Закавказья, однако не исключено для других стран, особенно государств Балтии, если Россия вырвется вперед или хотя бы сравняется по социально-экономическим условиям жизни с Прибалтикой.

Самая маловероятная, но возможная перспектива — это отвоевание доминирующего статуса под свой контроль, что возможно только в случае решающего демографического преимущества в условиях более быстрого роста русского населения и более значительного выезда из страны титульного населения. В обозримом будущем это возможно только в Латвии и нигде больше. Однако и в этом случае скорее будет существовать ситуация господствующего меньшинства над большинством («диаспорой»?) благодаря поддержке Европейского сообщества и НАТО (если этот военный блок сохранится).

Есть вариант смены идентичности титульной группой в пользу русской, но это возможно только в Белоруссии и только в случае единого государства с Россией. Единое государство снимает и вопрос о диаспоре.

В целом исторический процесс крайне подвижен и многовариантен, особенно когда речь идет о динамике идентичностей. На го-

ризонте мы уже видим принципиально новые явления, которые невозможно осмыслить в старых категориях. Одно из таких явлений — это формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры. Исторический процесс в интересующем нас аспекте проходит как бы три стадии: миграция (или изменение границ), диаспора, транснациональные общности. Последнее понятие отражает явление, обнаружившееся в связи с изменением характера пространственных перемещений, новыми транспортными средствами и коммуникативными возможностями, а также характером человеческих занятий.

Как мы уже отмечали, диаспора как жесткий факт и как ситуация и ощущение — это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством. Строго говоря, при более или менее нормальной социально-политической ситуации внутри государств нет или не должно быть диаспор из «собственной» культурной среды, ибо государство есть дом, где все граждане равноправны. Диаспора появляется, когда появляется разделенная пограничным паспортным контролем оппозиция «там и здесь».

В последнее десятилетие (на Западе еще раньше) обнаружились факторы, размывающие привычные представления о диаспоре и на межгосударственном (транснациональном) уровне. Если москвич, формально эмигрировав в Израиль или европейскую страну, сохраняет квартиру в российской столице и ведет основной бизнес на родине, а также поддерживает привычный круг знакомств и связей, то это уже другой эмигрант. Этот человек находится не между двумя странами и двумя культурами (что определяло диаспорное поведение в прошлом), а в двух странах (иногда даже формально с двумя паспортами) и в двух культурах одновременно. Где у него «бывшая родина» и где «новый дом» — такой строгой оппозиции уже не существует.

Не только на Западе, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе существуют большие группы людей, которые, как они заявляют, «могут жить везде, но только ближе к аэропорту». Это и бизнесмены, и разного рода профессионалы, и поставщики особых услуг. Дом, семья и работа, а тем более родина для них имеют не только значение разделенных границами мест, но и носят множественный

характер. Домов может быть несколько, семья — в разных местах в разное время, а место работы меняться без смены профессии и принадлежности к фирме. Через телевизор, телефон и путешествия они поддерживают культурные и семейно-родственные связи не менее интенсивно, чем живущие в одном месте люди с постоянным автобусным маршрутом дом — работа. Приезжая из Праги или Нью-Йорка в Москву, они видят своих родственников и друзей чаще, чем могут видеться родные братья или сестры, живущие в одном городе. Они участвуют в принятии решений на уровне микрогрупп и влияют на другие важные аспекты жизни сразу двух или нескольких сообществ.

Таким образом, разные и далекие места и находящиеся в них люди начинают формировать единую общность, «благодаря постоянной циркуляции людей, денег, товаров и информации»¹⁸. Эту нарождающуюся категорию человеческих коалиций и форм исторических связей возможно называть *транснациональными общностями*, на что уже обращают внимание ученые-обществоведы¹⁹.

Уже после того, как нами была написана эта статья, вышел номер журнала «Ethnic and Racial Studies», целиком посвященный данной теме. В нем содержатся статьи по проблемам транснациональных мигрантских общин на примерах мексиканцев, гватемальцев, сальвадорцев, доминиканцев, гаитийцев, колумбийцев, а также по ряду теоретических вопросов транснационализма²⁰. Некоторые специалисты относят эти новые явления к проблеме транснациональных миграционных циркуляций, но это есть и часть проблемы диаспоры.

Действительно, трудно назвать 1 млн. азербайджанцев или 500 тыс. грузин, курсирующих между Россией и Азербайджаном (не беру в расчет старожильческую часть азербайджанцев и грузин в России), диаспорой, однако в их культуре и социальной практике, бесспорно, присутствует диаспорность, особенно среди тех, кто по долгу находится в России. Пересекающие десятки раз в год границы между странами (не только бывшего СССР) люди не могут с обычной легкостью квалифицироваться как эмигранты или иммигранты. Они не попадают в упомянутые выше описания диаспорных ситуаций. И все-таки это новая по своей природе диаспора, которая, возможно, заслуживает нового названия.

В любом случае современные диаспоры или транснациональные общности, как и в прошлом, пребывают в своем главном взаимодействии с государственными образованиями — странами исхода и странами проживания. Этот диалог продолжает носить сложный характер, но в нем есть ряд новых явлений. В большинстве своем члены диаспорных групп оказываются в данном состоянии в результате недобровольных решений и продолжают сталкиваться с проблемой отторжения. С той только разницей, что возможности, которыми располагают эти группы, существенно меняются. Если в прошлом единственной желаемой стратегией была успешная интеграция во второе или в третьем поколении, то ныне ситуация часто складывается по-другому.

Как отмечает Р.Козн, «чем больше присутствует принуждения, тем меньше вероятность ожидаемой социализации в новом окружении. В этих условиях этнические или транснациональные общности будут упорно сохраняться или преобразовываться, но не растворяться. Сейчас невозможно отрицать, что многие диаспоры хотят иметь свой кусок пирога и хотят его кушать. Они хотят не только безопасности и равных возможностей в странах проживания. Но также и сохранения связей со страной происхождения и своими соплеменниками в других странах... Многие иммигранты более не являются разрозненными и послушными людьми, ожидающими гражданства. Вместо этого они могут обладать двойным гражданством, выступать за особые отношения со своими родинami, требовать помощи в обмен на избирательную поддержку, влиять на внешнюю политику и бороться за сохранение семейных иммигрантских квот»²¹.

Современные диаспоры, их ресурсы и организации представляют один из наиболее серьезных исторических вызовов государствам. В странах пребывания они формируют сети международной незаконной торговли наркотиками, создают террористические организации, вовлекаются в другие акции, которые нарушают национальный закон и внутреннюю стабильность. Именно деятельность диаспорных групп (палестинских, кубинских, ирландских, албанских и др.) превратила сегодня такие страны, как США и Германия, в основные территории, откуда исходит международный терроризм.

Часто это делается с ведома государств пребывания и откровенно используется ими в геополитических целях.

В более мирных формах активная деятельность диаспор начинает представлять серьезную проблему для местных обществ. Выдвигаются требования и ведется активная борьба за признание обычного права, действующего в рамках традиционной культуры данных групп, законами стран пребывания. Более того, западные либеральные демократии, решившие в свое время в упорной борьбе вопросы отделения церкви и государства, мира частного и мира публичного, сегодня вынуждены иметь дело с попытками привнести в их общества теократические идеи и нормы частной жизни, по которым желают жить представители мусульманских общин, ставшие уже полноправными гражданами этих стран.

Как предупреждает один из авторов, благодаря своему желанию изменить существующие правила, а не принимать сложившиеся правила игры диаспоры будут служить «средством разрушения хрупкого баланса между общей культурой и отдельными различиями»²². Приведу лишь один пример в подтверждение этого опасения. Поведение и конкретные политические результаты русской еврейской диаспоры в Израиле в последние годы поставили под сомнение исторический проект израильской алии и религиозно-этнической основы этого государства.

В то же время некоторые специалисты делают слишком поспешные выводы по поводу исторических перспектив феномена диаспоры. Ссылаясь на то, что идеология национализма не способна сегодня эффективно ограничивать пространство социальной идентичности границами национальных государств, они полагают, что процессы глобализации создают новые возможности для возрастания роли диаспор во многих сферах и превращения диаспор в особые адаптивные формы социальной организации. Не отрицая последнего, мы, однако, не можем согласиться с выводом, что «в качестве формы социальной организации диаспоры предшествовали национальным государствам, трудно существовали в их рамках и, возможно, сейчас во многих аспектах могут превзойти и прийти им на смену»²³.

Причина нашего несогласия в том, что нынешняя стадия человеческой эволюции продолжает демонстрировать, что государства

остаются наиболее мощной формой социальной группировки людей, обеспечивающие жизнедеятельность человеческих сообществ. Никакой конкурентной формы на горизонте не просматривается. Более того, именно государства используют диаспоры в утилитарных целях, чаще всего для собственного укрепления и разрушения или ослабления других²⁴. И в этом плане диаспоры может ожидать обратная перспектива.

Многие ученые не обращают внимания на то, что современные диаспоры обретают еще один важный аспект. Они утрачивают обязательную ссылку на какую-то определенную локальность — страну исхода — и обретают на уровне самосознания и поведения референтную связь с определенными всемирно-историческими культурными системами и политическими силами. Обязательность «исторической родины» уходит из диаспорного дискурса. Связь выстраивается с такими глобальными метафорами, как «Африка», «Китай», «Ислам». Как отмечает в этой связи Джеймс Клиффорд, «этот процесс не столько по поводу быть африканцем или китайцем, сколько по поводу быть американцем или британцем или кем-то еще в месте проживания, но с сохранением отличительности. Это также отражает стремление ощущать глобальную принадлежность. Ислам, подобно иудаизму в преимущественно христианской культуре, может предложить чувство повсеместной принадлежности как в историко-временном, так и пространственном аспектах, принадлежности к разной современности»²⁵.

Следует заметить, что построенная на позитивной сопричастности к мировым культурным системам диаспорность в современных транснациональных контекстах включает в себе порой большую долю утопии и метафоричности, но она уходит от таких традиционных идеологем, как «утрата», «изгнание», «маргинальность», и больше отражает конструктивные жизненные стратегии успешной адаптации и полезного космополитизма. Возможно, эта перспектива глобализации будет означать исторический конец феномена диаспоры, но только наступит этот конец, видимо, нескоро.

- ¹ Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (К разработке дефиниции) // *Диаспора*. 1999. № 12. С. 24.
- ² См., напр.: Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 389.
- ³ См., например, определение в статье на эту тему: «Диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» (Тощенко Ш.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // *Социос*. 1996. № 12. С. 37).
- ⁴ Такова исходная посылка многих отечественных трудов по истории и этнографии. По армянам, например, см.: Тер-Саркисянц А.Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. М., 1998.
- ⁵ Именно так трактовали российскую диаспору отечественные исторические демографы (см. труды С.И.Брука, В.М.Кабузана и др.).
- ⁶ См. русское издание с богатыми историческими примечаниями А.Вознесенского: Игнатьев М. Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ Мой запрос в Интернете на слово *diасpora* одним из первых дал раздел веб-сайта Республики Татарстан под названием «Татарская диаспора вне Республики Татарстан». Следующими шли главным образом веб-сайты бывших россиян в Израиле и США.
- ⁹ Gorenburg D. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 3. pp. 554-580.
- ¹⁰ Safran W. Diaporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora*. 1991. Vol. 1. № 1. pp. 83-84.
- ¹¹ См. замечательное исследование диаспор Южной Азии: Ghosh A. *The Shadow Lines*. N.Y., 1989.
- ¹² Clifford J. *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge (Mass.). 1997, p. 249.
- ¹³ См.: Арутюнян Ю.В. Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам социологического исследования // *Советская этнография*. 1991. № 2.
- ¹⁴ Об этом см.: Тишков В.А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3.
- ¹⁵ Игнатьев М. Указ. раб. С. 9, 11-12.
- ¹⁶ Здесь и далее основные данные взяты из: Брук С.И., Кабузан В.М. Миграции населения. Российское зарубежье // *Народы России. Энциклопедия* / Гл. ред. В.А.Тишков. М., 1994.
- ¹⁷ Там же. См. также: Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А.Тишков. М., 1996.
- ¹⁸ Rouse R. Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism // *Diaspora*. 1991. Vol. 1. № 1, p. 14.
- ¹⁹ См.: Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, people, places*. L., N.-Y., 1996; *Displacement, diaspora, and geographies of identity* / Eds. S. Lavie, T. Swedenburg. Durham; L., 1996.
- ²⁰ *Ethnic Racial Studies. Special issue*. Vol. 22. № 2: Transnational communities.
- ²¹ Cohen R. Diasporas and the nation-state: from victims to challenge // *International affairs*. 1996. Vol. 72. № 3. July, p. 9.

²² Dickstein M. After the Cold War: culture as politics, politics as culture // Social Research. 1993. Vol. 60. № 3, pp. 539-540.

²³ Cohen R. Op. cit, p. 520.

²⁴ См.: Тишков В. Феномен сепаратизма // Федерализм. 1999. № 3.

²⁵ Clifford J. Op. cit, p. 257.